

XXXII

Первое впечатление этого утра было ужасно. Когда я направлялся к Красному кресту, чтобы узнать, как обстоят дела наших бойцов, я увидел бегущих женщин. Они несли узлы с пожитками и тащили за руки ребятишек.

- Всюду поджигают! - кричали и плакали женщины.

Несколько человек, поспешно удирая, осыпали меня проклятиями.

Мне хотелось протянуть, как заградительную цепь, мой красный шарф и пресечь дорогу панике. Но нельзя остановить обезумевших, будь то на улице Бюсси или у Версальских ворот.

Хозяйка молочной, в трудные времена отпускавшая мне в кредит порцию риса за четыре су и на три су шоколаду, уцепилась за меня, испуская отчаянные вопли:

- Нет, вы не позволите поджечь квартал! Ведь вы порядочный человек! Выступите же с вашим батальоном против поджигателей!..

На одну минуту я был задержан ею и другими, стариками и детьми, кучкой человек в двадцать: они рыдали и ломали руки, спрашивая, куда им деваться, причитали, что все погибло...

Наконец мне удалось вырваться от них. Я кинулся в первый переулок и снял свой шарф.

Я знаю по дороге, на улице Казимира Делавинь, читальню, куда в течение десяти лет ходил заниматься и читать газеты. Я могу зайти туда, и у меня будет две-три минуты времени, чтобы взвесить в своем сознании этот пожар.

Я постучал.

- Войдите!

Мне хотелось бы хоть на минуту остаться наедине с самим собой... Едва ли это удастся.

Присутствующие умоляют меня отказаться от борьбы.

- Ведь это - беспощадная бойня... может быть, страшные пытки, если вы будете упорствовать.

- Я и сам отлично знаю это, черт возьми!

- Подумайте о вашей матери: ваша смерть убьет ее...

Ах, негодяи! Они знали, куда ударить... И вот, как последний трус, я забываю охваченную огнем улицу, свою роль и свой долг. Все существо мое переполняется воспоминаниями о родной стороне, и я вижу так ясно, как будто она вошла сюда, женщину во вдовьем платье и белом тюлевом чепце. Ее большие черные глаза впились в меня безумным взглядом; сухие пожелтевшие руки протянуты ко мне с невыразимой скорбью.

Залп!

Мимо окон пробегают несколько федератов и бросают ружья на мостовую.

- Смотрите!.. Они бегут!

- Да, они бегут. Но я, я не имею права бежать... Прошу вас, оставьте меня. Я должен сам обдумать все это.

.....

Все обдумано. Я остаюсь с теми, кто стреляет и кто будет расстрелян!

Что там болтали эти растерявшиеся женщины, будто «все погибло»? Ну, облили два-три здания керосином... Подумаешь!

Все наши школьные книги, рассказывавшие о доблестном Риме или о непобедимой Спарте, были, насколько я помню, полны пожаров. Победоносные полководцы приветствовали огонь пожаров, как восходящую зарю, а осажденные устраивали их, чтобы быть прославленными историей... Мои последние классные сочинения были посвящены героическому сопротивлению... разрушенной Нуманции, обращенного в пепел Карфагена, пылающей Сарагоссы.

А капитан Файяр, получивший орден за поход в Россию? Разве не обнажал он голову каждый раз, когда говорил о Кремле, который «эти русские» зажгли, как пунш! «Ну и молодцы!», - приговаривал он, покручивая ус.

А разграбленный и спаленный Пфальц? А сотни других уголков мира, сожженных во имя королей или республик, во имя иудейского или христианского бога?

А гроты Заача?..[201] И разве герцог Пелиссье, Пелиссье-Малаховский не унес на каблуках своих сапог клочья обгорелой человеческой кожи?

Мы же, насколько я знаю, не загоняли версальцев в погреба, чтобы сжигать их там живьем.

И если я сдался, стал поджигателем, то только после того, как окинул взглядом все прошлое и нашел там предшественников.

Мы обсуждали это сначала вдвоем, Ларошетт и я, оба окончившие школу, затем вчетвером, вдесятером... Все единогласно высказались за огонь.

Один из них так и кипел гневом.

– И эти нищенки смеют требовать пощады для своего скарба, когда идет битва за интересы всех бедняков, когда у сотен артиллеристов горят от огня вражеских пушек уже не рубашки, а их собственная грудь!.. Э, черт побери! Да я сам был богатым десять лет назад, до того как занялся политикой! Разве я не бросил всего этого в огонь?.. А сейчас, когда стратегия отчаявшихся накладывает руку на несколько щепок и кирпичей, – те, из-за кого мы разоряемся, ради кого идем на смерть, смеют бросать нам поперек дороги узлы со своим скарбом?

И он засмеялся как безумный.

– Я понимаю бешенство буржуа, – снова заговорил он, повернувшись в ту сторону, откуда доносилась непрекращающаяся канонада. – При свете нашего факела они увидели блеск непобедимого оружия – оружия, которое нельзя сломить и которое восставшие будут отныне передавать из рук в руки по пути гражданских войн... Что значит это по сравнению вот с тем? – заключил он, отбросив ружье и указывая нам на кровавый дым, покрывший весь квартал красным колпаком.

– Вы как будто говорили, лейтенант, что нужно сжечь часть улицы Вавен?

– Да, два дома; их стены продырявлены версальцами, и оттуда на нас врасплох могут свалиться линейные войска. Вы знаете эти два угловых дома? в том, что справа, есть булочная в нижнем этаже.

Странное совпадение! На первых же порах я наткнулся на труп хлебопека, а сейчас, по моему распоряжению, учинят расправу над мешками муки.

Царство хлеба будет предано огню и мечу. Сгорит молотой пшеницы гораздо больше, чем ее нужно было бы, чтобы прокормить меня за все годы моей голодовки.

– Ну-ка, черкните здесь ваше имя, Вентра!

– Извольте! И можете спалить лишнюю развалину, если понадобится.

Я расписываюсь на чистом бланке.

- Мы были уверены, что вы не станете вилять!

Один из федератов, смеясь, вытащил из кармана старый номер «Крика народа» и ткнул пальцем в строчку: «Если господин Тьер – химик, он поймет...»[202]

- Гм... вы уже тогда думали об этом!

- Нет! И не я написал эту горячую фразу. Я прочитал ее как-то утром в статье одного моего сотрудника. Я нашел ее несколько прямолинейной, но, конечно, и не подумал выдать за опечатку. А версальские газетки не преминули отметить, что сразу узнали мои когти и замашки бандита!

- Да, – заявляет Тотоль, – мы хотим взорвать Пантеон.

Тотоль – батальонный командир и пользуется безграничным авторитетом у бойцов, хотя он и балагурит, как мальчишка; во время осады он с такой дерзостью давал отпор немцам и наставлял им «нос», был так забавен и держался так геройски, что его выбрали единогласно.

Его предложение было встречено восторженным «ура».

- Уж вы-то, во всяком случае, не будете защищать этот памятник, – сказал мне Тотоль. – Памятники для Вентра... подумаешь!.. Да ему наплевать на все эти храмы славы и коробки для великих людей! Не так ли, гражданин?.. Ну-ка, пойдете, велите народу отойти в сторонку!

Мне стоило большого труда удержать Тотоля и объяснить ему, что, не являясь поклонником памятников, я тем не менее не желаю, чтобы ими пользовались для истребления половины Парижа.

Но они дьявольски упрямы, и, что бы я им ни говорил, гибель Пантеона решена. К стенке Пантеон!

А вместе с ним у стенки могут оказаться и Сент-Этьен-дю-Мон[203], и библиотека святой Женевьевы!..

И вот нам, – людям, пользующимся известным уважением, с мэром во главе, несколькими благоразумным командирам да группе более уравновешенных федератов, – пришлось объединиться в группы по четыре-пять человек, чтобы помешать этим горячим головам накинуться на Пантеон, как на какого-нибудь реакционера. Они уже провели вокруг него шнур, пропитанный серой и селитрой и смоченный керосином.

– Ведь, рассчитывая нагнать страху на деревенщину, вы только напугаете наших! Кумушки возведут вас в разбойников, а другие кварталы перебегут к пруссакам... а может быть, и к версальцам.

Пришлось целый час втолковывать им это, наседать на них, читать им наставления.

Необходимо было также возразить и маленькому старичку, упорно почесывавшему череп во все время дискуссии и, наконец, проговорившему кротким голосом:

– По правде говоря, граждане, мне кажется, нам было бы лучше, для чести Коммуны, не прятаться во время взрыва... Самое лучшее, если мы останемся там и взлетим на воздух вместе с солдатами. Я не оратор, граждане, но у меня есть свое суждение... Простите мою робость... я никогда не говорил публично. Но вот я осмелился, и мне кажется, что для первого раза я вношу великолепное предложение. Только поторопимся: если мы будем здесь долго болтать, мы никогда не взорвемся. Никогда! – заключил он с глубоким вздохом.

Он-то и спас осужденного! Его опасения, что мы не успеем разлететься вдребезги, вызвали смех, и на эту тему больше не говорили.

Усыпальница великих людей [204]

Я здесь с полуночи.

Нас много. Собрались почти все вожаки V и XII округов, не состоящие начальниками частей.

Разделяют окорок, болтают.

– А знаешь, Шоде-то... – говорит мой сосед слева, делая при этом весьма выразительный жест.

Пока что я еще не замешан ни в какую бойню. Мне везет!

Но несколько человек стояли в карауле у Пелажи и рассказывают о казни.

– Как он умер?

– Неплохо.

– А как держали себя жандармы?

– Неважно.

Они закусывают и говорят об этом, как о представлении, где они были зрителями, сами не играя никакой роли.

Утром, когда возобновится перестрелка, они снова пойдут на свои посты, потягиваясь и зевая.

А сейчас, раз считаешь, что поражение неизбежно, – не грех выпить прощальный стаканчик перед тем, как распрощаться с жизнью.

Среда, утро

Появляется Лисбон. Он в полном отчаянии.

– Все наши позиции захвачены. Люди падают духом... необходимо что-то предпринять, остановиться на каком-нибудь решении.

– Что же делать?

– Нужно придумать! Поищем вместе выход, Режер, Семери, ты, я, Лонге...

Лонге и в самом деле с нами; он тоже вернулся в Латинский квартал.

Мы поднялись в кабинет мэра, защелкнули задвижку, чтобы не слышны были наши взволнованные речи, наше совещание in extremis[205].

.....

Я получил удар в самое сердце, я почувствовал ту мучительную боль, что испытывают обещенные...

Начальник легиона считает, как и Лисбон, что защита напрасна; доктор Семери, заведующий перевязочным пунктом, согласен с мнением начальника легиона. Тогда поднимается мэр.

– Мы подпишем приказ сложить оружие!

Мне вспомнился день, когда судили Кюзере.

«Вы не посмеете сказать, что я – предатель!» – воскликнул он, запустив руки в волосы и мотая головой из стороны в сторону, словно увертываясь от пощечин.

И, покачнувшись, он в отчаянии упал на скамью.

Меня охватило такое же отчаяние.

– Сдаться! Неужели вы это сделаете, Лонге? И все вы?

– Да, я это сделаю, – холодно промолвил начальник легиона.

А доктор так и накинулся на меня:

- Вы, что же, хотите завалить квартал трупами и затопить кровью? И вы берете это на себя?..

- Да, я беру на себя право не подписать этого приказа, которого, впрочем, федераты и не послушаются... Я не хочу, чтобы в лагере восставших имя мое было покрыто позором. Не хочу! Само мое присутствие здесь уже делает меня вашим сообщником, и, если вы капитулируете, вам придется убить меня, или я сам должен буду покончить с собой.

- Мы плохо поняли друг друга, - поспешил заметить Режер, испуганный моим волнением.

У Режера, конечно, есть заблуждения, но он не трус.

Семери тоже, по-видимому, успокоился.

Но оба они внушают мне опасение.

- Лонге, бежим разыскивать наших! Где Коммуна?

- В мэрии одиннадцатого округа. Там Делеклюз. Правда, оттуда ничего не исходит, но зато все туда стремится. Вот куда нужно идти!

- Идем!

Вдруг раздается страшный взрыв, от которого разлетаются вдребезги оконные стекла.

Это, наверно, взлетел Люксембург![206]

Но Люксембург стоит на месте. Взорвался лишь пороховой погреб... Тотолу хотелось взрыва, и он его устроил.

Я вижу, как он идет, потирая руки.

- Что вы хотите? Иначе я умер бы неудовлетворенным. Впрочем, это ни к чему не повело: там не оказалось ни одного линейца. Сорвалось!

Рядом с ним какой-то человек рвет на себе волосы.

- Ах, почему мы там не остались!

Они в конце концов получают свой Пантеон, этот шут и этот безутешный. Они обезумели от поражения и не остановятся ни перед чем.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 мая 2026 13:50:34

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2026 13:51:56